

сирует в говорах восточных районов Польши (см. хотя бы сводные карты 597, 598).

В MAGP с максимальной полнотой использована литература по говорам польского языка. Помещенный в т. XIII общий список источников представляет собой хорошую библиографию предмета. MAGP является своего рода энциклопедией по различным вопросам польской диалектологии.

Само название MAGP предполагает последующее создание большого атласа говоров польского языка. И действительно, первоначально был замысел подготовить атлас с сеткой в 1000 населенных пунктов и вопросником из 2000 вопросов. Но впоследствии польские диалектологи отказались от этой идеи в пользу создания региональных атласов (подобно тому, как это делают французские, а в последнее время и румынские коллеги). Используя богатый опыт по созданию MAGP и учитывая практику зарубежной диалектологии, польские диалектологи в последнее время широким фронтом развернули также углубленные лингвогеографические изыскания. К настоящему времени уже значительная часть Польши охвачена региональными атласами⁹. MAGP спо-

собствовал расширению и повышению теоретического и научного уровня диалектологических монографических исследований, которые в Польше обычно сопровождаются картами и атласами¹⁰.

В заключение следует отметить высокую технику полиграфического изготовления карт MAGP, что для такого труда, как лингвистический атлас, очень важно.

MAGP представляет собою капитальное исследование говоров польского языка. Польские диалектологи сказали новое слово в теории и практике диалектологии, их опыт во многом поучителен. MAGP войдет в золотой фонд полонистики и славистики вообще.

И. А. Дзедзельский

VIII, Wrocław — Warszawa — Kraków — Gdańsk, 1971; Z. S o b i e r a j s k i, Atlas polskich graw spiskich, I—II, Poznań, 1966—1970; A. Z a r e b a, Atlas językowy Śląska, I, Kraków, 1969; H. H o r o d y s k a G a d k o w s k a, A. S t r z y ż e w s k a - Z a r e m b a, Atlas graw mazowieckich, I, Wrocław — Kraków, 1971, и др.

¹⁰ См.: W. P o m i a n o w s k a, Klasyfikacja rzeczowników odrzeczownikowych. Studium ze słownictwa i geografii lingwistycznej, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1963; J. B a s a r a, Terminologia budownictwa wiejskiego w dialektach polskich, I—II, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964; W. K u p i s z e w s k i, Słownictwo meteorologiczne w gwarach i historii języka polskiego, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1969; 10 томов серии «Słownictwo Warmii i Mazur», Wrocław — Warszawa — Kraków, 1958—1963, и др.

⁹ См.: M. M a ł e c k i, K. N i t s c h, Atlas językowy Polskiego Podkarpacia; K. D e j n a, Polsko-laskie pogranicze językowe na terenie Polski, I—II, Łódź, 1951—1953; его же, Atlas językowy województwa kieleckiego, I—VI, Łódź, 1962—1968; «Atlas językowy Kaszubszczyzny i dialektów sąsiednich», I—VII, Wrocław — Warszawa — Kraków, 1964 — 1970;

Б. Н. Головин. Язык и статистика. — М., изд-во «Просвещение», 1971. 191 стр.

Развитие и распространение логико-математического моделирования языка и статистики речи привело не к единству математического языкознания, а, напротив, к разному определению статуса этой науки. С одной стороны, такие исследователи, как А. В. Гладкий и С. Маркус, определяют ее как лингвоматематику, т. е. как ответвление математической логики и абстрактной алгебры. С другой стороны, ее определяют именно как металингвистику, т. е. как некое объединение некоторых математических приемов и некоторых лингвистических идей.

Однако и в этом случае полного единства достичь не удалось, и не только потому, что различается моделирование языка и статистика речи, но и потому, что самое соединение математики и лингвистики понимается различно. Одни иссле-

дователи, например, С. К. Шаумян, настаивают на соединении математических идей и методик с идеями и приемами структурального и семиотического языкознания. Другие исследователи, например Р. Г. Пиотровский, работают в области соединения математических идей и методик с теорией информации и задачами автоматического перевода и инженерной лингвистики.

Наконец, третьи исследователи говорят об использовании для нужд обычного (традиционного) языкознания простейших приемов моделирования, формализации и статистики. Такую позицию, в частности, отстаивает Б. Н. Головин. Он пишет: «Можно думать, что преподаватели-филологи высших учебных заведений нуждаются сейчас не в математизации своего языка и своих научных представлений, а в доброй помощи математической науки.

Такую помощь филолог почувствует тогда, когда научится применять некоторые, наиболее доступные инструменты математической статистики. Технология изготовления этих инструментов — дело математика, а их применение филологами может быть успешным и при минимальной математической подготовке, при помощи указаний и разъяснений специальной литературы» (стр. 3).

Эта адресованность к читателю-филологу, стремление познакомить его с наиболее доступными инструментами математической статистики — положительная особенность рецензируемой книги Б. Н. Головина «Язык и статистика». Второй ее особенностью является то, что она отражает десятилетний опыт работы горьковской группы лингвостатистики, изучающей статистические характеристики стилей и отдельных авторов, пишущих на современном русском языке¹. Горьковская школа лингвостатистики применяет рассеянную, но количественно равную выборку с дальнейшей статистической обработкой и оценкой полученных результатов.

Книга Б. Н. Головина написана просто и доступно; композиция — свободная. Кроме введения, таблиц (многие из которых составлены и вычислены автором), основной литературы и краткого указателя терминов, в книге выделяются следующие разделы: теоретическое обоснование вероятностно-статистического изучения языка и речи (стр. 10—19), статистические инструменты и их использование (стр. 19—62), организация статистических исследований (стр. 63—112), учение о стилях языка и стилях речи и статистика (стр. 113—133); завершается изложение рассмотрением проблем и перспектив статистической лингвистики (стр. 133—166) и кратким освещением школ и направлений лингвостатистики (стр. 167—173).

Если отвлечься от композиционных «вольностей», вызванных, видимо, тем, что текст возник на базе лекций, читанных автором, то книга довольно четко распадается на две части. В первой части (стр. 5—112) освещаются вероятностно-статистические идеи, статистические инструменты (так автор называет формулы статистики) и выборочный метод изучения языка; во второй части (стр. 113—116) говорится о тех областях лингвистиче-

ских знаний, где более применима статистическая методика.

Основанием вероятностно-статистического изучения языка и речи, по мнению автора, являются два объективных свойства языка. Во-первых, то, что единицы языка обладают не только качественными, но и количественными признаками, причем между качественными и количественными характеристиками единиц языка существует внутренняя зависимость. Вторым доказательством применимости вероятностно-статистического подхода к языку является признание того, что развитие и функционирование языковых элементов подчиняется статистическим законам. Второй аргумент считается более веским, так как повторяется не раз.

Однако одних оснований недостаточно для развития статистических исследований языка. Б. Н. Головин справедливо указывает, что эти основания могут быть успешно использованы, если будут соблюдены три условия применения статистики в лингвистических исследованиях. Этими условиями является союз статистики с традиционными методиками качественного анализа языка, разграничение типов лингвистических задач и, в-третьих, знакомство филолога (и уже — лингвиста) с минимально необходимыми статистическими инструментами (см. стр. 17—18).

Эта мысль выступает как лейтмотив. На протяжении всего текста книги говорится об ограничении круга фундаментально необходимых лингвисту понятий, заимствуемых из математической статистики, причем все понятия, связанные с раскрытием статистического закона и вероятности, вводятся на привычном для лингвиста анализе конкретного языкового и речевого материала. В то же время автор не раз предупреждает о необходимости различать статистическое описание и статистическое исследование: описание дает регистрацию частот и долей (вероятностей); выборочное же статистическое исследование, имея целью познать целое на основе изучения его нескольких частей, дает возможность увидеть законы развития и функционирования языка (см., напр., стр. 51).

Рассмотрение статистических инструментов начинается с рассказа об элементарных инструментах наблюдения (выборочной) частоты, средней частоты и отклонения от средней частоты. Сама формула среднего квадратичного (квадратного) отклонения берется в простейшем виде и приводится ее чтение (см. стр. 23). Формула вероятной ошибки в определении средней частоты получает простоту и доступность благодаря тому, что надежность ограничивается 95% и в формулу вводится постоянный коэффициент (см. стр. 27 и подробнее на стр. 52 и далее). Простейшие формулы исполь-

¹ По методике и задачам исследования горьковской группы Б. Н. Головина близка киевская группа лингвостатистики, возглавляемая В. И. Перебийнос; результаты лингвостатистического изучения стилей украинского языка опубликованы в книге «Статистичні параметри стилів» (Київ, «Наукова думка», 1967, 260 стр.). Ср. библиографический указатель «Лингвистическая статистика» сост. Г. В. Ермоленко (Алма-Ата, 1970, 158 стр.).

зуются и для оценки расхождения между выборочными частотами — критерий «хи-квадрат» и коэффициент вариации.

Несомненно положительным моментом является то, что автор вводит методику сравнения долей. Доля — это и есть вероятность, т. е. отношение наблюдаемой частоты к длине выборки. Сравнение частот и сравнение долей показывает сохранение или нарушение действия статистического закона; однако сравнение фактических частот, наблюдаемых в серии выборок, признается предпочтительным, так как в этом случае обнаруживается взаимовлияние содержания текста и выбора языковых единиц (см. стр. 40). Кроме сравнения частот и долей, предлагается методика статистического сравнения средних выборочных частот и частотных рядов — при помощи критерия Стьюдента, формулы квадратичного отклонения и порядкового критерия «хи» (таблица числовых значений ϕ вычислена автором).

Рассказав о статистическом наблюдении и статистическом сравнении, автор переходит к характеристике организации статистического изучения языка и речи; важнейшими компонентами этой организации являются выборка, программа и таблицы.

Изучение языка выборочным методом предъявляет определенные требования к количеству, длине и содержанию выборки. Б. Н. Головин считает, что «при изучении явлений морфологии и синтаксиса достаточно надежные результаты можно получить, имея 10 выборок длиной в 500 знаменательных слов каждая (или, если изучаются целые предложения, — длиной в 250 предложений)» (стр. 65). При этом специально подчеркивается, что при выборках требуется соблюдать жанровую, стилевую и содержательную однородность, хотя и предупреждается при этом, что практически «однородность выборок обычно определяется интуитивно».

В книге приведены и проанализированы программы, разработанные и применяемые в Горьковском университете. Обобщенная программа (программа № 1) дала возможность получить сведения о количественных соотношениях частей речи в языке художественной литературы XIX—XX вв. (результаты частично опубликованы в журнале «Вопросы языкознания», 1965, 3). Частные программы предусматривают статистическое изучение отдельных частей речи (имени существительного, прилагательного, глагола), простого предложения, сложного предложения.

Во второй части книги говорится о приложимости лингвистических идей и приемов к решению различных вопросов языкознания. На первое место выдвигается изучение функциональных стилей. Это объясняется, во-первых, тем, что в этой области уже получены данные, а во-

вторых, тем, что функциональное расчленение структуры языка соответствует его природе. Язык, подобно очень сложному механизму, работает как бы в разных режимах, что и порождает варианты. «Возникает поэтому теоретическая и прикладная проблема варьирования вероятностей одних и тех же языковых единиц, проблема стилиевой дифференциации вероятностей и выявляющих эту вероятность частот» (стр. 118).

Автор опирается на учение В. В. Виноградова о структуре языка как системе систем функциональных стилей — стилей языка и стилей речи. Функциональные стили языка и стили речи отличаются друг от друга существенными количественными характеристиками языковых единиц и их категорий, достаточными для совокупного, или суммарного качественного опознания модели на интуитивном уровне восприятия речи (см. стр. 121 и 130). Стилль языка отличается от стилиа речи тем, что в в первом случае дифференцирующими и нейтральными оказываются стилиевые вероятности (доли), а во втором случае — частоты.

Статистические характеристики стилей даются на материале частей речи и форм слова, которыми обладает та или иная часть речи. Так, приведя таблицу вероятности применения частей речи, автор пишет: «Внимательно вглядываясь и вдумываясь в таблицу, нетрудно заметить, что имена существительные и имена прилагательные в художественном стиле заметно менее активны, чем в научном и публицистическом; что местоимения и глаголы, наоборот, заметно более активны в художественном по сравнению с научным и публицистическим; что предлоги менее активны в публицистическом, нежели в художественном и научном; что союзы более активны в художественном, чем в научном и публицистическом; что причастие не обнаруживает заметных симпатий ни к одному из стилей, то же — имя числительное, и т. д.» (стр. 124—125).

Следует добавить, что, внимательно вглядываясь в тексты и фактический материал, нетрудно заметить, что слова и словоформы, принадлежащие одной и той же части речи и одной и той же парадигме, имеют значительные расхождения как в своих грамматических свойствах, так и в их семантике и стилиевом предназначении. Например, форма родительного падежа имени существительного имеет значительное коммуникативное (смысловое и стилистическое) отличие в зависимости от того, используется ли она в единственном или во множественном числе, присуща или прилагательна она, идет ли речь о родительном определительном или possessивном, небезразличен также охват формой родительного падежа именной лексики.

Существует мнение, что сама категория

части речи — вероятностная и «вероятностное определение частей речи исходит из того, что, во-первых, принадлежность слова к некоторой части речи определяется некоторым комплексом грамматических свойств, чувком грамматических оппозиций, вскрываемых в этом слове; во-вторых, что состав этого комплекса не является чем-то абсолютным, что он может меняться в определенных пределах, т. е., что отдельные свойства, характерные, вообще говоря, для данной части речи, могут быть не выявлены у данного слова, хотя оно тоже принадлежит к данной части речи»². Поэтому эффективность статистической методики возрастает при том условии, если увеличивается не только охват фактического материала, но и увеличивается число качественных (содержательных) признаков единиц языка, рассеивание которых изучается и которые избираются параметрами количественных характеристик.

Кроме проблем «стилистистики», Б. Н. Головин говорит о необходимости создания «в недалеком будущем грамматик и словарей, описывающих не язык вообще, а его функциональные стили, т. е. типы его функционирования», о применении статистической методики к изучению художественного произведения, к решению вопросов речевой культуры в широком смысле, к изучению речи школьника, в области атрибуции литературных текстов, в исследовании истории языка вообще и истории литературного языка в частности. Рассказывается в книге также о таких направлениях отечественной лингвостатистики, как составление частотных словарей, изучение стиха, расшифровка древних текстов, и об общих вопросах статистического изучения языка, количественного подхода к языковым структурам.

Освещение статистической методики, сфер ее применения и возникающих при этом проблем и задач приводит автора к выводу о том, что статистическая лингвистика — это один из вариантов современного языкознания.

Высоко оценивая направление исследования Б. Н. Головина, считаю необходимым высказать одно пожелание. В рецензируемой книге, как и в ряде других работ, даются статистические характеристики стиля языка, стиля речи и стиля автора; при этом ставится общетеоретический вопрос о взаимосвязи языка и речи, однако эта взаимосвязь определяется, как мне представляется, недостаточно четко и правильно.

Для решения данной проблемы Б. Н. Головин вводит понятие «лингвоструктура»; он пишет: «Эта лингвоструктура социально существует либо в виде языка, либо в отвлечении от какого бы то ни было кон-

кретного логического или эмоционального, эстетического и иного содержания, либо в виде речи, т. е. в связи с таким содержанием» (стр. 129). Обычно эти понятия выражаются терминами «язык», «норма» и «речь». Отличие языка и речи, как об этом свидетельствуют неоднократно замечания автора, сводится к тому, что язык рассматривается как статическое образование, представляя собой совокупность и систему единиц общения и их категорий, тогда как речь понимается как их функционирование, при котором они конкретизируются и наполняются содержанием; развитие и функционирование подчиняется вероятностно-статистическим законам.

Думается, что язык обладает не только типовыми формами, набором средств выражения, но и общепринятой семантикой, типовой информацией. Говорящий выбирает языковые средства и организует их в контексты, руководствуясь определенными целями и задачами, так что его речевое поведение является в известной степени сознательным. Поэтому функционирование языка, как и его развитие, подчиняется не только вероятностно-статистическим закономерностям, но и закономерностям иного рода. Так, выявление частоты и частотности той или иной части речи или словоформы требует не только и не столько статистической интерпретации, сколько содержательной интерпретации, включающей понятийные, эмоциональные, эстетические и стилистические признаки.

Любой стиль языка и любой стиль автора становятся таким только тогда, когда они получают содержательную интерпретацию. Говорящий, прибегая к тому или иному способу изложения, руководствуется прежде всего содержательными критериями. Выразительным и характерным нередко является слово или форма языка, не обладающая ни большой частотой, ни нормативностью. Они не имеют статистической закономерности. Напомню также, что специальные статистические исследования показывают, что в речи есть не только вероятности употребления языковых единиц и их распределение, но и «вероятностные схемы речи»³.

В заключение считаю нужным еще раз подтвердить общую положительную оценку рецензируемой работы. Книга Б. Н. Головина «Язык и статистика», несомненно, полезна и нужна лингвистам. Она хорошо отражает методику и результаты исследований автора и его учеников

² А. Е. Супрун, Части речи в русском языке, М., 1971, стр. 87.

³ См.: Р. Г. Пиотровский и Л. А. Тургина, Антиномия «язык — речь» и статистическая интерпретация нормы языка, сб. «Статистика речи и автоматический анализ текста», Л., 1971, стр. 46.

в области статистического анализа стилей современного русского литературного языка. Книга Б. Н. Головина в то же время является своеобразным введением в проблематику статистической лингвистики, знакомит читателя с техникой и

идеями этой новой отрасли знаний, показывает ее сильные и слабые стороны, решенные и нерешенные задачи, толкает к новым поискам и размышлениям.

В. И. Кудухов

Е. А. Реферовская. Синтаксис современного французского языка. Сложное предложение. — Л., изд-во «Наука», 1969. 236 стр.

С выходом в свет книги Е. А. Реферовской советская литература по романскому языкознанию обогатилась новой теоретической работой по такому трудному разделу грамматики, как синтаксис сложного предложения в современном французском языке. Работ в области французского синтаксиса в литературе немного, и это неудивительно, ибо синтаксис предложения является наиболее высоким и наиболее сложным уровнем языкового анализа и одновременно — наиболее скрытой частью языка, по выражению К. де Бурла.

Содержание синтаксиса определено автором как изучение словосочетаний, предложений и сочетаний предложений, иначе говоря, как изучение способов сочетания слов в группы и взаимоотношения слов внутри этих групп, изучение структуры предложения, т. е. способов сочетания членов предложения и их отношения друг к другу, изучение способов сочетания предложений и их взаимоотношения.

Предложение понимается либо как синтаксически объединенная группа слов, образующая предикативное ядро, имеющая в своем составе подлежащее и сказуемое, либо как группа, имеющая только сказуемое с зависящими от него членами предложения (безличные, повелительные, эллиптические предложения с опущенным подлежащим), либо как группа слов, имеющая в своем составе только подлежащее и зависящие от него члены, но сказуемое которой или подразумевается, или легко восстанавливается по содержанию подлежащего и по общему контексту (именные предложения).

Предметом книги Е. А. Реферовской является рассмотрение некоторых структур сложного предложения в современном французском языке, т. е. сочетаний двух и более предложений в один сложный комплекс.

Е. А. Реферовская в своем труде обобщает ряд теоретических и классификационных положений, высказанных в последнее время исследователями как в отечественной языковедческой литературе, так и в зарубежной, и относящихся к различным языкам, — Н. С. Поспелова, Е. В. Гулыги, Л. Л. Иофик, С. Г. Ильенко, Л. И. Илия, Р.-Л. Вагнера и Ж. Пеннон, В. Вартбурга и др.

Автор указывает, что в качестве ведущего принципа при классификации предложений внутри подчинения выбрано единство учета содержательного отношения между подчиняющим предложением или его членом и зависящим от него придаточным, учета грамматического оформления подчиненной части, учета степени смысловой связанности главного предложения с придаточным, учета степени интонационной самостоятельности придаточного.

Автор не ставит своей целью дать явления синтаксиса сложного предложения во французском языке в виде системы моделей и не занимается собственно классификацией сложных предложений с точки зрения перехода от сочинения к подчинению. Скорее задачей автора является выявление семантической стороны и, между прочим, многозначности, дополнительных связей и отношений между предложениями и их частями — например, условной связи между главным и придаточным в случаях употребления временных наречий-союзов, значения уступки или противопоставления в случаях условного союза *si* и т. д. Кроме подчинения и сочинения, в работе подробно рассматриваются случаи соположения — бессоюзного соединения предложений, разделенных запятой, и присоединения после точки новых, формально самостоятельных предложений, составляющих продолжение мысли предыдущего предложения и начинающихся с подчинительного или сочинительного союза. Эти синтаксические типы ранее не подвергались детальному рассмотрению, и Е. А. Реферовская в своей книге уделяет им особое внимание.

Книга отличается от многих аналогичных исследований по синтаксису сложного предложения стремлением увидеть новейшие тенденции в синтаксисе современного французского языка и, в частности, в синтаксисе сложного предложения — свободное обращение с синтаксическими конструкциями, возникновение новых конструкций, употребляемых параллельно с уже существующими, — тенденции, связанные с воздействием живой разговорной речи на литературный язык.

В качестве материала для исследования выбраны предложения из художественной,